

СЕРГЕЙ ПЕТРОСЯН

КАЛЕВАЛА

ЭКШН-ПОВЕСТЬ

Сергей Петросян
КАЛЕВАЛА. ЭКШН-ПОВЕСТЬ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42541894

ISBN 9785449675439

Аннотация

ПОВЕСТЬ-ПРИКЛЮЧЕНИЕ для чтения в поезде, самолете или на пляже. Для тех, кто устал от эзотерики и тяжелых дум о судьбе отчизны.

КАЛЕВАЛА

ЭКШН-ПОВЕСТЬ

Сергей Петросян

© Сергей Петросян, 2019

ISBN 978-5-4496-7543-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сын молча стоял за стеклянной дверью, уперевшись ладошками в прозрачную преграду. Наклонив голову, он с удивлением смотрел на отца. Кирилл пытался, рискуя упасть, старательно улыбался и махал рукой. Наконец заставил себя повернуться и, ускоряя шаг, зашагал к парковке. Возле поворота не выдержал и обернулся – маленькая фигурка за стеклом и два розовых пятнышка детских ладошек... Издалека он не видел Сережиных глаз, но понимал, что он все так же удивленно смотрит ему вслед. Удушливый спазм сдавил бронхи. Пришлось остановиться и, стащив со спины рюкзак, дрожащими руками искать в бесчисленных карманах ингалятор. За всю неделю, что он провел в Эрликоне с ребенком, астма не напоминала о себе, хотя здешняя весна уже наступила – самое время для приступа. Кирилл присло-

нился к железной трубе дорожного знака и, давясь кашлем, вдохнул спасительное облако аэрозоля.

Перед самым Галиным уходом в декрет интернет-гигант, в котором она трудилась, закрыл свой офис в России и предложил лучшим сотрудникам перебраться в Швейцарию. Кирилл помог с переездом и обустройством, но потом ему мягко и решительно дали понять, что места в биоценозе счастливой семьи, состоящей из мамы, сына, бабушки и дедушки на еще одного члена не остается. Он и сам не представлял себе сосуществования с Галиными родителями – долгие годы холостяцкой жизни отучили его делать «поправку на ветер», и на замечания этих, в общем-то, чужих ему людей реагировал нервно и резко. Безработный мужик «на хозяйстве», на фоне успешной жены, ставшей главой семьи, он выглядел бледно, и после того, как ему несколько раз напомнили о его скромном месте в «пищевой цепочке», Кирилл понял, что пора возвращаться домой.

Он был даже благодарен Галине за тот холодный барьер, который она возвела между ними – проще было расставаться без оглядки на «ту» Галю. Ее разочарование в их союзе наступило не вчера, но первое время ему казалось, что та Галя, которой он шесть лет назад с удовольствием позволил ворваться в свой размеренный холостяцкий быт, уехала и скоро вернется. На свет появился Сережа, но «та» Галя так и не вернулась...

Не так все просто оказалось с сыном – до момента отъезда он даже не представлял себе, как привязался к этому человеку, которому последний год была посвящена вся жизнь их неудавшейся семьи. На него уже давно никто не смотрел с таким искренним доверием и ничьи слезы не вызывали такой неизбывной и нежной жалости. Каждые несколько месяцев, когда ему начинало казаться, что сын перестает его узнавать на экране планшета во время их «гляделок» по Скайпу, Кирилл договаривался с работодателем, садился за руль и накатанным путем отправлялся в далекий Эрликон.

Приезжал он обычно ночью, когда Сережа уже спал. Галина не позволяла зайти в спальню, чтобы посмотреть на спящего ребенка: «Проснется и испугается – незнакомый мужик в комнате». Но сознание того, что тут совсем рядом, за стеной, спит, по-детски на четвереньках, самое дорогое на свете существо, вселяло в него необъяснимое умиротворение и нежность. Кирилл никогда не считал себя сентиментальным и теперь стеснялся своего чувства, изо всех сил стараясь не допускать внешних проявлений своей слабости. Тайные слова шептал только сыну на ухо во время прогулок или когда ему доверяли искупать его перед сном.

Семью он завел поздно – почти в пятьдесят. Для него самого этот шаг был большой неожиданностью. Кириллу нравилась его холостяцкая жизнь. Тщательно поддерживаемый порядок в доме, обставленном только по собственному вкусу, свободный выбор времени и места проведения отпуска,

мимолетные романы «без обязательств» – все это позволяло ему снисходительно улыбаться, когда жены друзей начинали его убеждать в том, что «женатые мужчины живут дольше и меньше болеют». Встреча с Галей что-то поменяла в его мироощущении. Ему почему-то до ужаса захотелось видеть каждый день ее и все, что с ней связано – пальто на стуле, косметику в ванной, разбросанные тапочки в прихожей, раскрытый вниз текстом томик стихов на столе. До этого его всегда раздражало такое обращение с книгами (есть же закладки!), но теперь казалось милым. Эта расслабляющая симпатия была непривычной и даже тревожила. «Я никогда не делал ничего, чего бы мне не хотелось или не нравилось, – убеждал себя Кирилл, – следовательно, это мне действительно нужно». Убеждал недолго – меньше, чем через год они поженились. И, когда пришлось расставаться, даже потеря Гали была не столь болезненной, как разрушение этого ставшего привычным безалаберного и такого уютного уклада. Он быстро привык быть частью целого, и независимость, неожиданно свалившаяся на него, оказалась пугающей и ненужной. Часами сидел, не зажигая света, в своей, ставшей пустой и огромной, квартире.

Можно было пойти в клуб или порыться в записной книжке, пригласить кого-нибудь из бывших пассий, но даже желания включить телевизор не возникало. Зато информация о его новом неприкаянном статусе быстро распространилась среди друзей и знакомых. Начались приглашения в гости

«со значением», а то и просто звонки таких же неприкаянных дам с прямыми вопросами, но к новым отношениям он был еще не готов и после недолгих колебаний оставался дома. Заставлял себя читать, но мозг отказывался следить за сюжетом, и, потратив полчаса на пару страниц, выключал ридер. Раньше музыка помогала ему расслабиться, но теперь стало сложно подобрать что-нибудь по душе. «Все дело в одиночестве», – решил он и заставил себя купить билет в Филармонию.

Играл Кисин, и поэтому еще до начала концерта все счастливые обладатели заветных билетов смотрели друг на друга с одобрением и чуть ли не перемигивались, словно заговорщики. «Большую сонату для Хаммерклавира» он честно отсидел. Но даже Бетховен не смог сделать непрерывный поток мыслей в его голове менее болезненным. Он впервые заметил, как почти физически давит яркий свет в зале, как раздражает наклонный пол под неудобными креслами, а большое количество сосредоточенных незнакомых людей вокруг просто вызывало панику.

На прелюдиях Рахманинова Кирилл понял, что может потерять сознание. Билет был дорогой – в пятый ряд, поэтому он долго не решался встать и уйти. В конце концов, прижав ладонь ко рту, он изобразил приступ беззвучного кашля и, согнувшись, двинулся к выходу, готовый сгореть от стыда. Выскочил на улицу, и тут его накрыл уже настоящий приступ астмы. Больше социальных экспериментов он не ставил...

Спазм отступил. Кирилл сделал осторожный вдох и медленно разжал пальцы, сжимавшие железную трубу дорожно-го знака. Проходившая мимо благообразная бабушка с толстой собакой внимательно посмотрела на него и кивнула:

– *Gruetze*.

– *Gruetze*, – ответил Кирилл и поспешно стал вытирать залитое слезами лицо.

«Это от кашля», – уверил он себя. По опыту предыдущих расставаний знал – нельзя давать себе расклеиваться, иначе астма и депрессия не позволят гнать девятьсот километров по автобану, а паром в Травемюнде ждать не станет. «В стрессовой ситуации старайтесь выполнять привычные действия...» – вспомнил он наставление для солдат НАТО, которое когда-то изучал на военной кафедре. Снял куртку, аккуратно сложил её на сиденье. Дорогу до границы с Германией и далее, через Гамбург до Любека, он знал наизусть, но все равно ввел в навигатор пункт назначения. Положил в бардачок плитку шоколада и влажные салфетки для рук. Пристегнулся, завел двигатель. Заметил на левом зеркале мутные следы от высохших капель воды. Опустил стекло и устранил беспорядок кусочком замши. Поднял стекло. Спohватившись, настроил климат-контроль на пару градусов ниже, чтобы не клонило в сон. Старательно выбрал диск в доро-гу – не усыпляющую тягомотину и не отвлекающий хард. Хо-се Фелисиано маслом полился на натянутые нервы... «Аран-

хуэзский концерт». Кашель больше не мучил, дрожь в руках прошла. Все – можно ехать. Похвалил себя за самообладание и включил заднюю передачу. Неожиданная судорога скривила лицо. Закрыв глаза и, прижавшись лбом к коже руля, завыл. Страшно, по-волчьи...

* * *

Швейцарский автобан мало чем отличался от немецкого. Цены на заправках во франках и максимальная скорость 120 – вот и вся разница. Но даже на свободных от ограничений участках Германии Кирилл ставил круиз-контроль на «пенсионные» 125 и никогда не занимал левый ряд.

Размеренная езда не мешала думать и существенно сэкономила топливо. Он без сожаления смотрел вслед обгонявшим его с низкочастотным воем спорткарам и натужно ревушим семейным седанам. И немцы, и швейцарцы предпочитали машины приличных марок, но в «спартанской» комплектации и с небольшими моторами. Их нерастраченная любовь к скорости после городских 50 км/ч вырывалась из выхлопных труб утробным «слабо-о-о?» Проехал безлюдный в утренние часы таможенный пост на выезде из Швейцарии, на круге выбрал направление на Штутгарт, но через пару километров повернул направо, к знакомому магазину Aldi.

После швейцарских заоблачных цен все здесь казалось бесплатным. Курс рубля, урезавший зарплату Кирилла по-

что вдвое, сделал из него рачительного хозяина – «корзину холостяка» он старался наполнить здесь. Мюсли, сыровяленая колбаса, сыр, испанское вино, таблетки для посудомоечной машины, дезодорант, фрукты в фанерных ящичках – все это стоило значительно дешевле, чем в родном Питере.

Тележку он заполнял автоматически, по ставшему привычным перечню. У прилавка с детскими игрушками опять стало предательски дергаться лицо. Отвернулся и, забыв положить в тележку часть обычного ассортимента, зашагал на кассу.

На улице, жмурясь от зимнего солнца, успокоился. Аккуратно переложил покупки в машину. Сыр, колбасу и сосиски – в бокс на крыше, бакалею и хозтовары – в багажник. Встав на цыпочки, дотянулся до крышки бокса и потянул ее вниз. И тут же момент ощутил сильный удар в напряженное бедро. Чуть не упав от неожиданности, он схватился за дверцу и повернул голову.

– Простите, пожалуйста! – худенькая девчушка в короткой черной куртке и обтягивающих джинсах дергала на себя тележку, доверху набитую пакетами и бутылками, но вставшее поперек колесо прочно застряло между тротуарными плитами. – Я, похоже, каблук сломала, вот и не удержала эту телегу...

Собранные в пучок темные волосы и мужские очки-авиа-

торы делали ее похожей на японского тинэйджера из какой-то серии «Форсажа».

– Ничего страшного, – улыбнулся Кирилл, – давайте я вам помогу.

С трудом приподняв переднюю часть тележки, он освободил колесо и с натугой покатил ее за ковылявшей на одном каблуке незнакомкой. Неожиданно она всплеснула руками и повернулась к Кириллу. При этом он чуть не сбил ее с ног, с трудом остановив свой груз.

– Ой, я только сейчас поняла, что вы по-русски говорите! – воскликнула она. – Так у вас и номера питерские! Вы здесь в гостях?

– В общем, да... – неопределенно ответил Кирилл. – Уже еду домой.

– И я домой. Я тоже из Петербурга. Еду на паром в Травемюнде, а здесь у друзей гостила две недели. Вот – вкусняшек всяких накупила. И себе, и маме, и подругам... Меня Лариса зовут.

– Кирилл, – буркнул он, слегка ошалев от ее напора.

Минут пятнадцать они укладывали покупки в крохотный багажник Mini, уже и так забитый пакетами из модных магазинов. Часть бутылок пришлось разместить на полу между

сиденьями. Лариса сняла сапоги и переобулась в новенькие кроссовки. Попутно заставила Кирилла продиктовать свой номер телефона и сразу же набрала его: «Запиши мой». Когда они успели перейти на «ты» он даже не заметил – говорила в основном она, ему же оставалось только поддакивать, собирая пазл из пакетов, мешочков и бутылок так, чтобы закрылась крышка багажника. Попутно Лариса выяснила, что до Хельсинки они плывут на одном пароме и предложила ехать «караваном». Кирилл категорически отказался, сославшись на дела по дороге. Перспектива отслеживать новую знакомую в зеркале заднего вида или гнаться за ней в потоке его совершенно не прельщала. Пробормотав: «Увидимся», он вернулся, наконец, к своей машине. Защелкнув клипсы, запер бокс на ключ и, махнув Ларисе на прощанье рукой, двинулся не в сторону трассы, а в направлении центра городка. Другого способа отделаться от навязчивой попутчицы ему в голову не пришло.

Из-за светофоров и небольшой пробки на выезде он выбрался на автобан минут через двадцать. Педантичный навигатор показал новое время прибытия в пункт назначения – встреча с Ларисой и поездка по городу отняли у него почти сорок минут. «Придется поднажать», – с раздражением подумал он.

Его привычка делать все по заранее составленному плану очень смешила Галину в начале их совместной жизни, а в период кризиса отношений стала вызывать плохо скрываемое

раздражение. Кирилл пытался изображать безалаберность, но это плохо у него получалось – все равно в голове тикали невидимые часы-органайзер. Вот и сейчас необходимость увеличить скорость и сократить время на обед в придорожном ресторанчике под Франкфуртом вызвала приступ злости в адрес бестолковой девицы на красном Mini. «Худая и глупая, – вынес он свой вердикт. – И машина дурацкой расцветки – с британским флагом на крыше».

Требовалась небольшая встряска – надо было погасить раздражение, чтобы сосредоточиться на дороге. Скосив глаза, порылся в бардачке и выудил древний диск Nazareth. Не глядя, затолкал его в плеер и нашел нужный трек. Зловеще улыбаясь, прослушал вступление и синхронно с солистом заорал: «*Sent a telegram today! Tomorrow you'll be on your way – could be Memphis or L.A....*»

* * *

Обычно обратная размеренная езда после очередного свидания с сыном провоцировала Кирилла на долгое и болезненное самокопание. Четкой цели своего независимого существования определить не получалось, и он снова и снова проигрывал возможные сценарии на ближайшие годы. Постепенно это превращалось в привычку и даже доставляло какое-то болезненное удовольствие близкое к тому, которое получает подросток, сдирающий подсохшую корочку крови с разбитой коленки. Теперь же гонка в двух левых ря-

дах и неутомимые Nazareth не давали ему сосредоточиться на своих болячках. Неожиданно он почувствовал себя лучше, а плавно уменьшающееся время опоздания на навигаторе даже вызывало чувство удовлетворения.

Через пару часов музыку пришлось выключить. Пришла усталость – сказалось отсутствие опыта длительной концентрации внимания на дороге. Сразу нашелся повод для остановки – на большой скорости топлива могло не хватить до порта, и он решил заправиться, заодно дав себе передышку. На ближайшей бензоколонке зимнего дизеля не нашлось, так как для теплой немецкой зимы это было неактуально. С паррома ему предстояло съехать в Финляндии, где прогноз показывал суровые минус пятнадцать, поэтому пришлось проехать еще километров двадцать, пока на очередной заправке не появился заветный значок «D» со снежинкой. «Антракт – десять минут», – разрешил он себе и с облегчением включил правый поворотник.

Вся процедура заняла не больше пяти минут. Садиться за руль ужасно не хотелось. «Разомну ноги», – решил он и зашагал к указателю WC. На входе в туалет стоял турникет как в метро. Знаний немецкого хватило, чтобы понять – надо опустить монету 1 евро, пройти внутрь и взять жетон из специальной ячейки. После совершения физиологических процедур жетон можно обменять в кафе на чашку кофе. По времени это уже превышало отпущенный им себе лимит, но он почему-то решил поступить наперекор внутреннему счетчи-

ку.

Со стаканчиком горячего капучино в руке Кирилл вышел на площадку перед кафе и устроился на скамейке, подставив лицо солнцу. «Надо же – февраль, а тут плюс пятнадцать. Даже не верится, что дома зима... – подумал он, прихлебывая теплую пену. – Интересно, Лариса на своем цветастом Mini где сейчас едет?» Он огляделся. На краю парковки тарахтел холостыми оборотами старенький Мерседес, окруженный шумной турецкой семьей с детьми, а прямо напротив его скамейки стоял синий микроавтобус с финскими номерами. Водитель дремал, откинувшись назад и опустив козырек черной бейсболки с вензелем NY на лицо. «Тоже, небось, на паром едет», – заключил Кирилл, бросил пустой стаканчик в урну и зашагал к своей машине.

Короткий отдых оказался очень кстати – сразу стало легче следить за дорогой. Скорость и частые обгоны больше не утомляли, он даже перестал контролировать время на навигаторе и позволял себе глазеть по сторонам. Кирилл не первый раз ехал этим маршрутом, почему-то никогда не обращал внимания на то, что лежало за границами серого автобана. Освещенные зимним солнцем островерхие кирпичи, зеленые (в феврале!) поля, огромные, лениво вращающиеся лопасти ветрогенераторов и даже старинные дома под земляными (!), поросшими травой крышами смотрелись необычайно красиво. «Странно, – подумал он, – почему мне никогда не приходило в голову остановиться в какой-нибудь

из этих деревень и просто погулять по окрестностям?»

Знак «Дорожные работы» заранее оповещал о сужении дороги до двух полос и водители начали аккуратно перестраиваться влево. Скорость снизилась сначала до восьмидесяти, потом – до пятидесяти километров в час. Огромный рефрижератор с голландскими номерами двигался медленнее разрешенного лимита и Кирилл, включив поворотник, начал выискивать промежуток в левом ряду для обгона. Наконец, девушка на старом Ситроене сжалась над ним и притормозила, оставив ему пространство для перестроения. Поблагодарив ее поднятием руки, он утопил педаль, но, вместо привычного рыка турбины и перегрузки от ускорения, почувствовал странные рывки и ватный провал в работе двигателя. Пришлось вернуться в правый ряд. Попытки раскрутить мотор ни к чему не привели и следующие десять километров он тащился за рефрижератором, лихорадочно соображая, что бы могло случиться с его машиной. Пластиковые ограждения, наконец, закончились, и Кирилл продолжил плестись в крайнем правом ряду, включив аварийку. Он никак не мог решить – надо остановиться на трассе и вызвать эвакуатор, чтобы не убить двигатель, или доехать в щадящем режиме до ближайшего съезда. Вдалеке показался пилон бензоколонки, и он решил все-таки дотянуть до нее. «*GEAR SELECTOR REDUCED FUNCTION*» – прочел он сообщение на дисплее. Что бы это могло значить? Отыскав место на парковке, Кирилл заглушил двигатель. Подождав па-

ру минут, снова запустил. Надпись продолжала гореть. Проклиная судьбу, он обошел парковку в поисках аварийного телефона. Вдоль автобана они были расположены на столбиках через каждые несколько километров, но здесь их было не видно. Пришлось зайти в кафе при заправке.

Пожилой немец сразу понял суть проблемы и позвонил куда-то. Не спрашивая, налил кофе и показал на столик у окна: «Сиди и жди». Только сейчас Кирилл поглядел на часы – запаса по времени практически не оставалось. Ч-черт...

На парковку не спеша заезжал синий микроавтобус с финскими номерами. Встал в самом конце площадки. Водитель вылезать не стал, снова откинулся на сиденье и сдвинул козырек бейсболки на лицо. «Утомился финн, – подумал Кирилл. – Наверное пил всю ночь...»

Эвакуатор приехал довольно быстро – даже кофе не успел остыть. Ничего чинить на месте темнокожий механик не стал, махнул рукой вдаль: «Volvo service...», закрепил машину на платформе, кивнул Кириллу на место рядом с собой в кабине и, включив проблесковый маячок на крыше, резво погнал по автобану на север. «Во сколько обойдется эвакуация? – обреченно подумал Кирилл. – И билет на паром пропадет...» Раздражающий зуд начал подниматься из бронхов к горлу. Не дожидаясь начала приступа, достал из рюкзака ингалятор.

Ремонт занял больше трех часов. А ведь всего лишь перепрошили глюкнувшую программу управления коробкой передач. В ремзону не пускали, по-английски общались неохотно. До самого момента выдачи автомобиля он пребывал в полном неведении, как надолго он увяз в Германии.

Хорошо, хоть WiFi в клиентской зоне работал. Кирилл зашел на сайт немецкого агентства, продавшего ему билет на паром, и заказал обратный звонок. Русскоговорящая девушка выслушала сбивчивый рассказ о его злоключениях и прислала новый номер брони на завтра. Денег за эту операцию не взяла: «Ну, мы же земляки...» и пожелала счастливого пути. После уплаченных двух сотен евро за эвакуацию такой позитивный момент немного улучшил ему настроение.

Надо было что-то решать с ночлегом. После пережитого стресса спать в машине и умываться в придорожном туалете совершенно не хотелось. Ехать дальше не имело смысла – к вечеру он доехал бы до Гамбурга, а там цены на гостиницу отличались от провинциальных далеко не в лучшую сторону. Мастер-приемщик достаточно подробно объяснил, как добраться до «гастхофа» в ближайшей деревне. «Вот и посмотрю на баварскую провинцию», – подбодрил себя Кирилл и завел двигатель, опасливо поглядывая на тахометр. Но двигатель работал как часы, а сообщение об ошибке с дисплея исчезло.

Найти постоянный двор (а как еще перевести на русский

«*гастхоф*»?) действительно оказалось несложно. По всей видимости, он был здесь один, и на каждом перекрестке направление к нему задавали указатели «*Studtman Gasthof*». Это оказалось аккуратное старое здание с фахтверковым фасадом под черепичной крышей. Небольшая, засыпанная гравием парковка была пуста. Видимо, клиентов в это время года здесь было немного. В прихожей (язык не поворачивался назвать маленькую комнату со столом и камином «лобби») никого не было. Однако ощущения одиночества не возникало. Над каминной полкой висел чей-то охотничий трофей – голова оленя. Искусно выполненные карие глаза неотрывно следили за гостем. Кирилл долго тренькал старинным бронзовым звонком на столе, пока, наконец, со второго этажа не спустился пожилой немец в клетчатом халате. По-английски он, слава Богу, говорил.

– Есть ли у вас свободные комнаты? – поинтересовался Кирилл.

Немец улыбнулся:

– Весь дом в вашем распоряжении. Вы резервировали?

– Нет, – ответил Кирилл, – я не планировал ночевать здесь.

Объявленная хозяином цена в сто сорок евро за ночь мо-

ментально разрушила провинциальное очарование заведения. Кирилл никогда не стеснялся комментировать цены, если они ему не нравились:

– А почему так дорого? Здесь Бисмарк останавливался?

– Но вы же не резервировали, – развел руками немец.

– А если бы резервировал?

– Тогда цена была бы пятьдесят пять евро с завтраком.

– Понятно... – Кирилл достал из рюкзака планшет. – У вас есть WiFi?

Вдвоем они справились с бронированием минут за десять. Клаус (так звали немца) получил подтверждение резервации на своем компьютере, удовлетворенно хмыкнул и вручил гостю ключ с огромным деревянным брелоком:

– Добро пожаловать в Штудтман Гастхоф. Что бы вы хотели на завтрак?

– У меня нет предпочтений, – пожал плечами Кирилл, – я ем все, кроме овсяной каши.

– Хорошо, мой друг. Овсянки не будет.

Комната оказалась довольно просторной и пахла теплым деревом. На широкой кровати с резной спинкой сидел плюшевый медведь. Пол из шлифованных сосновых досок и темные балки на потолке вызывали желание пить темное пиво

и заедать его свиной рулькой или белыми сосисками с тушеной капустой.

Только сейчас Кирилл почувствовал, как проголодался. Умывшись и спрятав рюкзак в старый скрипучий шкаф, он решил осмотреть окрестности и поискать пивную в пешей доступности. Клауса на ресепшене уже не было. Решив не беспокоить немца, он оставил ключ на столе и вышел на крыльцо.

Шурша колесами по гравию, по парковке елозил красный Mini с британским флагом на крыше. Лариса? Судя по времени, она должна уже подъезжать к Гамбургу.

– Привет, – помахала она рукой, опустив стекло, – ты тоже здесь остановился?

Без мужских очков-авиаторов лицо ее показалось даже симпатичным. Она больше не походила на японского подростка.

– Да, вот – застрял здесь из-за поломки. А ты разве не должна сегодня на паром успеть?

– Для меня это слишком длинный перегон, – объяснила Лариса. – Я же еще в Штутгарт к подруге заезжала. Где-нибудь в этих местах и рассчитывала переночевать.

– У тебя есть резервация? – поинтересовался Кирилл.

– Я никогда ничего не планирую. Увидела указатель

и приехала.

– Не беда – сейчас все устроим, – улыбнулся Кирилл, – только за планшетом схожу.

Судя по озабоченному лицу Клауса, он был не в восторге от неожиданного наплыва постояльцев. Во всяком случае, тем, что Лариса ест на завтрак, не поинтересовался. Отдал ключ и, вытянув нижнюю губу, небритым подбородком показал на коридор, в котором находилась ее комната. Тащить Ларисину сумку, естественно, пришлось Кириллу.

– Планы на вечер есть? – зачем-то поинтересовался он и тут же пожалел об этом.

Развлекать разговорами мажористую девицу совсем не входило в его планы. Хотелось просто прийти в себя после расставания с сыном и дорожных приключений.

– Я бы выпила бокал вина в красивом месте, – с готовностью отозвалась Лариса. – Только в порядок себя приведу.

– Красивых мест я здесь не заметил, – попытался отыграть ситуацию Кирилл. – Хочу выпить немецкого пива. Ты тогда не торопись – я пойду поищу пивную, и, если найду, то пришлю тебе СМС-ку.

Он искренне надеялся, что слова «пиво» и «пивная» ока-

жуются оскорбительными для ее слуха.

– Пиво – это отличная идея! – Лариса схватила его за рукав и затащила в свою комнату. – Посиди здесь – мне нужна пара минут.

Она вытащила косметичку из сумки и закрылась в ванной. Кирилл обреченно плюхнулся в кресло. «Знаю я эти ваши „*пару минут*“, – зло пробормотал он. – Откуда ты взялась на мою голову?!»

Удивительно, но довольно скоро из-за двери донесся звук спускаемой воды, и на пороге появилась Лариса. Каким-то образом она успела навести марафет и причесаться. Пучка на затылке уже не было, а «аккуратно растрепанные» волосы настраивали на романтический лад. Туфли на высоких каблуках окончательно уничтожили образ смешного подростка.

– Я готова, – она ловко крутанулась на одной ноге. – На ком поедем?

– Во-первых, я хотел пройтись и подышать воздухом, – заметил Кирилл, – а во-вторых, мы, вроде бы, собирались пиво пить...

Он приготовился услышать едкую реплику по поводу его приземленности и законопослушности.

– Пешком так пешком, – улыбнулась Лариса, – только тогда я кроссовки надену.

«Покладистая какая..» – отметил Кирилл. Новая знакомая стала меньше его раздражать.

* * *

Они были единственными «сидячими» посетителями. Погруженный в сумрак зал старой пивной был пуст. Деревянные балки на потолке не были элементом декора, а действительно поддерживали перекрытие. Судя по всему, не одну сотню лет. Пятеро немцев в офисных костюмах пили пиво возле стойки, что-то громко обсуждая. Телевизор работал без звука, зато из колонок неслись совершенно неуместные здесь кубинские ритмы.

Первый бокал Кирилл, не стесняясь, осушил почти залпом – хотелось побыстрее снять накопившиеся стресс и усталость. Лариса аккуратно и с видимым удовольствием отпивала из высокой кружки, слизывая острым языком смешные пивные усы.

– Я не фанатка пива, – заметила она, – но этот сорт мне очень нравится. Ты не запомнил, как он называется?

– Все равно не выговорю, – расслабленно махнул рукой Кирилл, – похоже на штангенциркуль.

Пожилая официантка ловко поставила перед ними две огромные порции *вайсвюрсте* с тушеной капустой. Аппетитный пар зашекотал ноздри.

– Будешь есть как немка? – поинтересовался Кирилл.

– Это как? Стоя, что ли?

– Видишь ли, по тому, как человек ест белые сосиски, можно сразу определить, местный он или нет. Приезжие едят вилкой и ножом, а настоящий немец берет вайсвюрсте в руку и высасывает ее из оболочки как из тубика. Я, например, предпочитаю традиционный способ.

– А я, пожалуй, попробую по-немецки.

Лариса, обжигаясь, схватила сосиску и, обмакнув ее в сладкую горчицу, впиалась в нее губами, по-кроличьи двигая челюстью. При этом заговорщически подмигнула проходившей мимо официантке. Укоризненно покачав головой, Кирилл отрезал маленький кусочек и аккуратным движением отправил его в рот. За столом ему нравилось изображать чопорного англичанина.

Немецкая деревня была на удивление плохо освещена ночью. Их шаги, треск попадавших под ноги веток и невнятный разговор дерзко нарушали патриархальную тишину.

Выпитая по совету официантки странная смесь пива

с травяным бальзамом упорно просилась на волю. Периодически Кирилл прислонялся к дереву или стене, закрывал глаза и пытался сдержать рвотный позыв. При этом начинала предательски кружиться голова и стучало в ушах. Лариса же оказалась на редкость стойким оловянным солдатиком – болтала без умолку и часто хохотала, повисая на его руке. В этот момент ему приходилось концентрировать волю, чтобы не упасть в гулкую пустоту. Он рассеянно отвечал на Ларисины шутки, даже улыбался в темноте, помня усвоенную на тренингах аксиому – собеседник «слышит» твою мимику даже по телефону. Алкоголь не спас его от хандры. Наоборот, ослабел контроль, и тоскливое чувство расставания с дочкой стало настолько невыносимым, что ему приходилось сжимать зубы, чтобы не застонать невпопад.

«Только бы добраться до кровати, – повторял он про себя. – Упасть и забыться. А завтра будет уже легче...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.